

По настоящему приглашению босса Чжу Юй Шанчжи и Вэнь Ецай поднялись на второй этаж закусочной в отдельную комнату. До полуденного наплыва гостей было ещё время, поэтому, помимо чая, на стол подали лишь лёгкие угощения и закуски. Среди них оказалась и любимая сладость Вэнь Ецай - сладкий тофу.

— Помнится, в прошлый раз ваш супруг заказывал у нас чашечку нашего тофу, — с улыбкой заметил Чжу Тун. — Мы тут недавно как раз ввели новый способ подачи, не знаю, придётся ли вам по вкусу.

Глаза Вэнь Ецай тут же засияли: в этот раз вместо обычного сиропа из коричневого сахара тофу был полит мёдом, а сверху щедро усыпан мягкой, клейкой красной фасолью.

Юй Шанчжи, наблюдая, как его супруг с удовольствием уплетает угощение, улыбнулся и спокойно заметил:

— Босс Чжу, вы действительно не забыли.

Чжу Тун лишь отмахнулся:

— Пустяки, не стоит упоминания.

Сказав это, он вдруг поднялся, и, с совершенно искренним выражением на лице, чуть поклонился:

— Всё, что случилось в прошлый раз, — это вы, Юй-ланчжун, не стали держать зла и протянули руку помощи. Только благодаря вам моя семья сохранила возможность зарабатывать на жизнь. Каждый раз, вспоминая об этом, я испытываю стыд. Сегодня, наконец, представился случай поблагодарить вас лично. У нас в закусочной, признаться, нет особо дорогих даров, но наш фирменный сладкий рисовый напиток и несколько видов закусок действительно хороши. Я приготовил немного, прошу вас с супругом не отказывать и принять в знак благодарности.

Увидев, с какой серьёзностью Чжу Тун выражает благодарность, Юй Шанчжи и Вэнь Ецай тоже встали и вежливо ответили поклоном.

— Босс Чжу, вы уж слишком любезны. Если уж говорить начистоту, то в тот раз я всего лишь воспользовался именем господина Цяня, так сказать, разыграл лису с тигровым флагом.

Чжу Тун поспешно замотал головой:

— Нет-нет, я благодарю именно вас, Юй-ланчжун, за вашу прямоту и готовность вступить. Какое там "воспользовался чьим-то именем" — не в этом суть.

Он ведь всё же человек, который не первый год управляет закуской, и хорошо чувствовал, когда атмосфера может стать чересчур формальной. Увидев, что все встали, а разговор стал излишне церемониальным, он ловко сгладил ситуацию парой фраз, вернув беседе лёгкость.

В результате кроликов и фазанов они продали именно в заведение семьи Чжу. Более того, Чжу Тун сам предложил, если в будущем будет ещё дичь, он с радостью её примет. Такие ингредиенты хоть и не числятся в основном меню, но время от времени находятся гурманы, которые их заказывают, а повара у них вполне умеют обращаться с подобной едой.

Выглядело это более чем разумно: крупную дичь можно, как и прежде, отправлять в поместье Цянь, а мелкую сдавать в закусочную Чжу, не надеясь на случай в «Цзюйсянь фаньчжуане». Юй Шанчжи с Вэнь Ецаем остались довольны таким раскладом.

После продолжительной беседы время подошло к самому полудню, и, разумеется, они не смогли сразу уйти и остались обедать в закусочной.

В последнее время Вэнь Ецай не пил никаких отваров и не придерживался особой диеты, и Чжу Тун, удостоверившись в этом, без колебаний распорядился подать фирменные блюда заведения. Так Вэнь Ецай наконец-то попробовал то, о чём давно мечтал, - острое жаркое из куриных потрошков.

— Ты попробуй, правда очень вкусно, — с блеском в глазах сказал он. — У них повар готовит эту штуку уже много лет, я даже дома пытался повторить, но вот не выходит такой вкус.

Увидев, что Юй Шанчжи не прикасается к блюду, он тут же заботливо поднёс ему целую порцию, аккуратно переложив палочками в его тарелку.

Внизу, на первом этаже, в закусочной уже вовсю царило полуденное оживление. Босс Чжу давно удалился, и не потому, что перестал проявлять гостеприимство, а потому, что обладал достаточной чуткостью, чтобы не стоять над душой у двух супругов, мешая им спокойно поесть.

Юй Шанчжи смотрел на ярко-красное блюдо перед собой, ощущая, как в воздухе витает пряный, обжигающий аромат... но так и не поднял палочек, застыв в нерешительности. Он с детства почти не ел острого. В прошлой жизни он рос под присмотром деда, и питание у них всегда было лёгким, сбалансированным, с особым вниманием к пользе каждого блюда. Острые, сырые или холодные продукты практически не попадали на стол. Без малейшего преувеличения можно сказать: даже дожив до зрелых лет, он так и не успел как следует попробовать ни холодных напитков, ни мороженого.

Тем не менее, блюдо из куриных потрошков выглядело действительно аппетитно, да и Вэнь Ецай ел с таким удовольствием, что по одному его выражению лица можно было понять, что вкус там отменный. После недолгих раздумий Юй Шанчжи всё же решился: поднёс кусочек ко рту и отправил в себя.

И уже в следующую секунду начал кашлять.

Незнакомая, чересчур яркая острота ударила с такой силой, что у него моментально загорелся язык, а глаза наполнились слезами. Вэнь Ецай, занятый трапезой, испугался не на шутку, увидев, как его муж давится от кашля. Он судорожно потянулся к чайнику и поспешно налил воды. И только потом сообразил, что чай горячий. Окинув взглядом стол и не найдя ничего более подходящего, он схватил недоеденный сладкий тофу, зачерпнул большую ложку и поднёс к губам Юй Шанчжи:

— Открывай рот! Поешь немного, перебьёт остроту.

Юй Шанчжи всегда был равнодушен к сладкому, к тофу с сиропом тем более. Обычно, едва попробовав ложку-другую, он уступал всё Вэнь Ецаю. Но сейчас этот самый сладкий тофу внезапно стал его «соломинкой спасения». Он приоткрыл губы и принял протянутую ложку, аккуратно втянув в рот и мягкий тофу, и сладкую красную фасоль. Холодок приятно остудил обожжённый язык, а сладость мягко приглушила жгучий вкус пряностей.

Плечи Юй Шанчжи расслабились, он с облегчением выдохнул, будто только что вернулся к жизни.

— Это я виноват, — с раскаянием прошептал Вэнь Ецай. — Я думал, ты просто не любишь острое, а не знал, что тебе совсем нельзя...

Он взял два чайных стакана, перелил из одного в другой, остудил и поставил перед Юй Шанчжи.

Но, надо признать, последствия инцидента вышли неожиданно приятные. От перца у его доктора губы налились ярко-красным, а в повлажневших глазах стояли блестящие слезинки. А Вэнь Ецай, который с самого начала был тем самым «маленьким распутником», запавшим на внешность своего мужа, в этот момент почувствовал, как сердце у него учащённо забилося.

— Я редко ел острое... — тихо сказал Юй Шанчжи, поднося к губам чашку и деликатно отпивая. — Не ожидал, что оно окажется настолько острым.

Он рассказал Вэнь Ецаю о своей прежней жизни, как рос под опекой деда, как строго следил за питанием и заботился о здоровье: всё должно было быть пресным, сбалансированным, полезным. Никаких газировок, мороженого, ничего холодного или пряного. За всю жизнь он толком даже не пробовал таких вещей.

У Вэнь Ецай глаза округлились от удивления:

— Ну это же совсем скучная жизнь...

Газировка, мороженое - он и слов таких раньше не слышал, но при одной мысли о том, что Юй Шанчжи так и не попробовал ничего из этого как следует, ему вдруг стало обидно за него. Такая жизнь, по его мнению, была настоящей тратой времени.

Слова супруга, простые и искренние, пробудили в Юй Шанчжи лёгкую грусть, отголосок утраченного. Но тут же он понял, что теперь всё иначе: он попал в этот мир, он встретил Вэнь Ецай. И эта встреча - его настоящая награда, то, что способно рассеять любую досаду и сгладить любые сожаления.

Когда они уходили из закуской семьи Чжу, на их повозке прибавилось три керамических жбана с рисовым вином и два больших деревянных ящика с едой. В одном десерты, в другом несколько горячих блюд из меню. Чжу Тун специально отобрал их в подарок, сказав, что это на ужин, чтобы дома не пришлось снова разводить огонь и готовить. Все блюда были без бульона и лишней влаги, так что их можно было спокойно везти в телеге, не боясь, что что-то прольётся или испортится в дороге.

Раньше, когда погода была ещё не слишком жаркой, одного кролика можно было продать за восемьдесят вэнь, но с наступлением лета желающих поесть крольчатины стало больше, и цена поднялась до ста. Пять кроликов ушли за пять цянней серебра. Две дикие курицы были особенно жирные, по триста вэнь за штуку. Так что за всю эту поездку, не потратив ни медяка, они выручили двадцать шесть лян и один цянь.

Дома запасы риса подходили к концу, и они заглянули в рисовую лавку, где купили два доу зерна. Поскольку скоро ожидался сбор нового урожая, в продаже оставался только прошлогодний рис, поэтому и цена на него немного снизилась.

Пока Вэнь Ецай наблюдал, как лавочник отвешивает рис, Юй Шанчжи неспешно осматривался. Он насыпал горсть ячменя и, убедившись, что зерно хорошее, велел взвесить пол шэна. Заодно взяли и немного красной фасоли. В разгар лета в теле часто скапливается влага, а отвар из красной фасоли и ячменя - простейшее и проверенное средство, чтобы её вывести.

Пока работник пересыпал всё в бумажные пакеты, он вполголоса пробормотал:

— Странно... В последнее время всё больше людей приходят и просят именно эти две крупы. Говорят, это по совету одного лекаря, мол, полезно для здоровья.

Юй Шанчжи лишь мягко усмехнулся, не став ничего объяснять. Такие советы - базовая вещь для любого лекаря, наверняка в последнее время многие пациенты получили похожие назначения.

На этот раз они вернулись в деревню ещё засветло. Услышав стук колёс, Кон Майя торопливыми шагами выбежала из восточной комнаты и сообщила, что кто-то пришёл за консультацией. Юй Шанчжи тут же поспешил вымыть руки и прошёл в дом, а Вэнь Ецай тем временем вместе с Эрню и Санья распрягал повозку, отвёл вола в стойло и занялся разбором

принесённых с рынка вещей.

Когда они открыли оба ящика с едой, изнутри тут же вырвался такой аромат, что у всех невольно потекли слюнки. Вэнь-эрню даже ласково провела рукой по гладкой крышке ящика и по красивым фарфоровым тарелкам внутри, будто по какой-то драгоценности.

— Брат, а это обратно относить надо? — с надеждой в голосе спросила она.

Вэнь Ецай легонько хлопнул её по голове:

— Люди еду тебе прислали, а ты уже прикидываешь, как бы себе посуду оставить?

Но, вспомнив, что именно говорил босс Чжу, он всё же кивнул:

— Эти штуки можно оставить. Он сам сказал, что специально новые подобрал, для нас.

Вэнь Ецай с детьми разделили между собой два кусочка сладостей, а несколько тарелок с блюдами отнесли в тень, чтобы еда не испортилась. Остальные десерты оставили на потом для Юй Шанчжи и Кон Майя, когда те закончат с приёмом.

Вэнь-эрню, понизив голос, прошептала брату:

— Тот, что пришёл на приём... у него лицо всё белое-белое.

Вэнь Ецай нахмурился:

— Ну и что? Бывает, что человек бледный, ничего странного.

Всё же в голове у него промелькнуло: а вдруг тот действительно тяжело болен и лицо у него не просто светлое, а совсем безжизненно-бледное?

Но Эрню покачала головой:

— Не то. У него как будто пятна какие-то... Он ещё шляпу надвинул низко и всё время в тени держится, солнца боится.

В восточной комнате Юй Шанчжи как раз убирал руку, только что отпустив запястье пациента после пульсовой диагностики. Гер перед ним выглядел неуверенно, будто стеснялся самого своего существования, ни разу не взглянул Юй Шанчжи в глаза. Рядом сидел его встревоженный отец.

— Юй-ланчжун... скажите, можно ли что-то сделать с этой болезнью? — голос мужчины звучал сдержанно, но в нём чувствовалась надежда. — Моему геру почти двадцать, а из-за этой беды всё ещё ни о какой свадьбе и речи нет. Не то чтобы сватов не было, поглядят, и все тут же отказываются.

Юй Шанчжи жестом предложил геру подойти ближе, осмотрел лицо и шею, затем попросил снять верхнюю одежду, чтобы взглянуть на спину.

Отец, настороженно покосившись на Кон Майя, заметил:

— Юй-ланчжун, тут же девочка... может, не стоит при ней?

Юй Шанчжи спокойно ответил:

— Она моя ученица. В будущем будет врачом, ей незачем сторониться таких вещей.

Гер что-то пробормотал себе под нос, Юй Шанчжи не разобрал и не стал переспрашивать. А Кон Майя, видя это, выпрямилась на скамье и сделала вид, что ещё внимательнее, серьезнее, чтобы выглядеть достойно.

После осмотра диагноз стал очевиден: на лице, запястьях, спине и других участках кожи у гера были неравномерные, обесцвеченные пятна. Белый лишай, витилиго.

Мужчина, заметив, что лекарь и не думает выдворять Майю, сам устроился на краешек скамьи и заговорил, сбивчиво, но искренне:

— Это с детства у него, мы раньше внимания не обращали, думали, так, пустяк... А оно вон как, с каждым годом больше и шире. Теперь, даже летом, как жара, так из дома не выходит, боится солнца. Если сильно напечёт, вообще кошмар начинается. Сыпь, зуд, расчёсывает до крови...

Юй Шанчжи сразу заметил, что геру неприятно слушать, как отец при посторонних подробно расписывает его проблему. Но, видно, из-за того, что с детства он отличался от других внешностью, в нём выработалась такая зажатость, что даже возразить близкому человеку он не решался.

Тогда Юй Шанчжи взял инициативу на себя и мягко оборвал речь мужчины всего двумя простыми словами:

— Это лечится.

После этого он спокойно, без спешки, изложил, каким образом можно вести лечение: внутрь отвары, снаружи мази и припарки, при необходимости иглокалывание.

— И солнца всё же нужно немного, — добавил он. — Не под палящими лучами, но в меру, чтобы кожа привыкала.

Затем спросил:

— А раньше к лекарям обращались?

Гер смущённо отвёл глаза:

— Да где уж... У нас разве есть деньги постоянно лечиться? Пару лет назад ездил в уездный городок, тогда потратили больше лян серебра на снадобья, да толку почти не было...

Мужчина тяжело вздохнул, посмотрел на сына и сказал с горечью:

— Ещё немного потянем, и будет поздно свататься. Вот мы и пришли к вам, Юй-ланчжун, попробовать счастья.

Юй Шанчжи кивнул, не задавая лишних вопросов. Он слишком хорошо знал: для простых деревенских семей это была обыденность. Нередко они затягивали болезнь не потому, что не хотели лечиться, а потому что просто не имели такой возможности.

— Я выпишу вам лекарства, — спокойно сказал он.

Гер, всё же решившись, спросил:

— А через сколько времени... можно вылечиться?

Юй Шанчжи немного помолчал, взвесил каждое слово и ответил:

— Поспешность здесь ни к чему. Но через три месяца должно быть заметное улучшение.

— Три месяца... — эхом повторил гер, явственно разочаровавшись, хотя потом и подумал: лучше так, чем совсем никак. И наконец достал из рукава маленький узелок. — Хорошо. Юй-ланчжун, выпишите. Сколько нужно, скажите.

В итоге назначенные лекарства обошлись в восемьсот с лишним вэнь. Помимо отваров для внутреннего приёма были и средства для наружного применения. Юй Шанчжи велел: настоять их на крепком белом самогоне, смазывать поражённые места дважды в день, а когда лекарства закончатся, вернуться на повторный приём.

Отец расплатился и, потянув за собой сына, вышел из дома. Тот, едва переступив порог, тут же

снова натянул на голову широкополую шляпу, ссутулился, весь словно съёжился, и сразу сделался похож на человека, который боится показаться на глаза другим. А ведь Юй Шанчжи только что видел: внешность у него вполне приличная, тело крепкое, руки-ноги в порядке. Если бы не эта зажатость и привычка прятаться, да ещё болезнь излечить, вполне можно было бы надеяться и на хороший брак.

Слух о Юй Шанчжи всё шире расходился по соседним деревням. Теперь почти никто уже не сомневался в его врачебном мастерстве, напротив, каждый новый больной подтверждал доброе имя. А сами пациенты попадались самые разные, со своими бедами и историями. И действительно, как говорится, «в каждой семье своя трудная книга».

Когда стемнело, Юй Шанчжи и Вэнь Ецай сидели за столом и считали выручку. Серебро было всякое: и слитки, и кусочки поменьше, и медные монеты. Целая грудa заняла почти весь стол. Но больше всего в глаза бросались несколько тонких, изящно выделанных золотых листиков.

Вэнь Ецай осторожно поднял одну из золотых пластинок, словно боясь, что та сломается в руках.

— Ты скажи... что нам с этим делать?

История с золотыми листьями началась ещё днём. После того как Юй Шанчжи осмотрел гера с витилиго и проводил его, Вэнь Ецай позвал мужа перекусить сладостями. Но стоило Юй Шанчжи взять в руки кусочек пирожного, как он заметил проблеск золота. Когда тарелка опустела, под сладостями обнаружилось несколько тонких золотых листиков.

Тут уж сомнений не оставалось - это был замысел босса Чжу. Видно, после того случая с Цянь Юньли он получил немало компенсации и чувствовал себя обязанным. Понимал, что если сунуть Юй Шанчжи золото прямо в руки, тот не возьмёт, вот и придумал такой обходной способ.

Эти золотые листья были выбиты из чистого золота, с изящной ажурной резьбой. Ими не пользовались как деньгами: чаще всего их дарили на праздники, а богатые семьи преподносили детям в качестве новогоднего оберега и благопожелания. Если бы они захотели, то и обменять такие листья на деньги тоже было возможно, достаточно отнести их в денежную лавку или ломбард, где их взвесили бы и пересчитали по стоимости золота и серебра.

Это выглядело куда изящнее и благороднее, чем сунуть в руки просто деньги. Юй Шанчжи невольно вздохнул с уважением: неудивительно, что Чжу Тун человек торгового склада, у него голова работает гибко и находчиво. Раз уж тот нашёл именно такой способ передать дар, возвращать его напрямую уже было бы невозможно.

После долгих раздумий Юй Шанчжи лишь сказал:

— Ладно, примем. А потом найдём случай и вернём эту благодарность другим путём.

Вэнь Ецай отложил золотые листья в сторону, не прибавив их к семейному «кладовой копилке».

Всё внимание снова вернулось к серебру. С учётом выручки от продажи ягод годжи и кроликов, теперь в их доме накопилось уже больше ста лян сбережений. Пересчитав всё до последней монеты, Вэнь Ецай не удержался: протянул руки и обнял кучу серебра, прижал к груди, словно самое дорогое богатство, и с довольным вздохом произнёс:

— Раньше я даже во сне не смел мечтать, что у нас дома будет сотня лян!

Юй Шанчжи, улыбаясь краешком губ, сидел рядом и нанизывал медные монеты на шнур. Это занятие оказалось для него удивительно приятным и успокаивающим, так что он выполнял его с охотой. Продолжая переплетать верёвочку сквозь отверстия в монетах, он между делом заговорил о своей мечте — накопить денег и открыть собственную клинику.

Вэнь Ецай при этих словах резко выпрямился:

— Так значит... вся наша семья должна будет перебраться в город?

Юй Шанчжи и не думал, что тот отреагирует так горячо, и поспешил уточнить:

— Сейчас это лишь мысль, не более. Вот и хотел сначала спросить твоего мнения.

— Моё мнение? — Вэнь Ецай даже засмеялся. — Да я только за! Для крестьянина самая заветная мечта в жизни - выбраться в город, жить там, не питаясь лишь тем, что взрастил на трёх му земли.

Получив такую поддержку, Юй Шанчжи и сам приободрился. Но тут же трезво заметил:

— Всё же спешить нельзя. Нужно накопить ещё больше серебра, тогда и можно будет начинать.

— Вот потому-то и копить надо побольше, — рассудительно сказал Вэнь Ецай. — Эти сто лян, конечно, в деревне считаются целым богатством, но в городе или уж тем более в уезде — совсем ничто. Слышал я, что снять там маленький домик стоит десятки лян в год. И, если честно, кухня в таком доме бывает меньше, чем у нас во дворе уборная.

Юй Шанчжи не удержался и рассмеялся, но смех этот был не насмешкой, скорее, от неожиданного узнавания. Ведь с жильём было одинаково тяжело и в его прошлой жизни: в зажиточных деревнях люди строили себе просторные дома, а в больших городах за баснословные деньги покупали тесные квартиры, словно клетки для голубей.

— Не смейся, — с лёгкой обидой шутливо хлопнул его по руке Вэнь Ецай. — Я сам видел! Раньше, когда отец возил дичь в город и доставлял прямо в дома заказчиков, я пару раз ходил с ним. Там дворики такие крошечные, что и пару грядок-то не посадишь.

Юй Шанчжи поспешно закивал, соглашаясь:

— Да, это и впрямь неудобно. Клинику придётся арендовать, жильё тоже снимать, расходы вырастут в разы.

Вэнь Ецай подпер подбородок рукой, задумчиво, но с воодушевлением сказал:

— Мы ведь только меньше года как поженились. Серебро будем копить понемногу. Я ещё в горы чаще буду ходить: если повезёт, настреляю лис, мех отложим, зимой дорого уйдёт. А ещё твой усыпляющий порошок хорош, вдруг крупно повезет и удастся подстрелить волка!

Юй Шанчжи туго перевязал связку монет соломенным шнурком и сказал:

- Я не хочу, чтобы ты рисковал. Будем поступать, как и прежде: по возможности вместе ходить в горы за дичью или собирать травы, да ещё хорошенько заняться нашими лекарственными грядками; посадим их сейчас, к следующему лету и осени годжи начнёт плодоносить, с одного му земли можно выручить десятки лян. И помнишь ли ты про мыльные бобы? Как только соберём сою, можно заняться и ими.

Вэнь Ецай принял у Юй Шанчжи связку медных монет, аккуратно уложил их в сторону; большая часть этих медяков как раз была плата от односельчан за приём, по грошам, но постепенно накопилось и в банке уже не помещалось.

- Если так подумать, — заметил он, — у нас теперь есть на что надеяться.

Они обменялись взглядом и увидели в глазах друг друга улыбку.

Наконец, едва справившись с нанизыванием монет и прибрав их, вымыли руки; в это время Вэнь Ецай сказал, что собирается ещё съездить в деревню Шуймо к плотнику Чжану и заказать денежный сундучок с замком.

Как ни крути, но оба они понимали: чтобы накопить достаточно на аренду лавки и дома в городке, а также на жизнь в первое время, пока клиника не начнёт приносить прибыль, понадобится ещё несколько лет. До тех пор им предстояло вести своё хозяйство как обычно.

Прошло несколько дней, и старания Юй Шанчжи не пропали даром: проверяя воткнутые в воду веточки годжи, он с радостью заметил, что они начали пускать корни. Причём корешки быстро становились длиннее и гуще, вскоре можно было пересаживать их в землю.

Так как веточек оказалось очень много, пересадка обещала стать большим делом. Поэтому Кон Майя с утра пришла помочь.

В последнее время состояние Кон И заметно улучшилось: теперь он мог за день сплести уже две пары соломенных сандалий. А в деревне не у каждого хватало мастерства, да и не все имели время сидеть за таким трудом. Так что порой соседи заходили к нему купить одну-две пары. Пусть это были небольшие деньги, но для семьи и поддержка, и признание.

Кон И был благодарен за то, что односельчане поддерживали его дело, поэтому всегда держал для них цену восемь вэней за пару или пятнадцать за две. Что до семьи Вэнь, то он по размеру смастерил каждому по паре особенно крепких сандалий и велел Кон Майя отнести им. Хотя на первый взгляд соломенные сандалии были вещью простой и неприметной, летом без них в деревне обойтись было невозможно.

На поле сперва выпололи молодую сорную траву, что успела пробиться, затем вырыли ямку и посадили в неё укоренившийся черенок годжи, после чего обильно полили, чтобы земля плотно обхватила стебель. Работали так: один выкапывал ямку, другой сразу вставлял туда черенок.

К концу дня ещё треть лекарственной грядки осталась пустой, но черенков не хватило. Тогда Юй Шанчжи и Вэнь Ецай решили завтра снова сходить в горы, к тому же в прошлый раз на двух кустах годжи ещё остались ягоды, их тоже следовало собрать.

Когда все саженцы были обильно политы, можно было считать, что первая партия черенкования завершена. Теперь оставалось только дожидаться, пока на каждом побегут новые ростки, а потом оставить самый крепкий.

Хотя в теории Юй Шанчжи знал всё на отлично, выращивать годжи ему доводилось впервые, и он не мог заранее сказать, удастся ли это. Нужно было часто присматривать за посадками и ухаживать за ними. К счастью, эта первая партия черенков, а затем и вторая, посаженная позже, взялись на удивление дружно. После первой подкормки ростки начали уверенно тянуться ввысь.

Пока все посеы в поле день за днём росли и наливались силой, шаг за шагом приближаясь к зрелости, летний зной наконец пошёл на убыль. С небес пролился первый осенний дождь.

— Апчхи! — как только пришла пора межсезонья, Вэнь-санья подхватил простуду и уже два дня ходил с распухшим от насморка носом.

И хотя вскоре должно было вернуться «бабье лето» с остатками жары, Вэнь Ецай всё равно достал для него осеннюю одежду.

Не только Санья слёг от перемены погоды, многие в округе заболели в это время, так что Юй Шанчжи и Кон Майя закрутились, едва успевая принимать пациентов один за другим.

Даже Юй Шанчжи из-за всех этих забот дома и на приёмах подхватил осеннюю сухость: губы потрескались, а сухой кашель не давал покоя. Ночью, когда свет уже погасили, он лежал в постели и всё время сдерживал кашель, боясь разбудить Вэнь Ецай, и только когда першение в горле становилось невыносимым, позволял себе кашлянуть.

Но сдерживаться было мучительно: будто в горле торчало пёрышко, бесконечно щекоча и вызывая желание кашлять снова и снова. А так как кашель был сухим, после долгих приступов он начинал ощущать во рту металлический привкус, явный намёк на кровь.

Вэнь Ецай, спавший рядом с ним на одной постели, прекрасно чувствовал, что тот терпит и подавляет кашель. Он хотел уже сказать: «Кашляй, не бойся, я не проснусь от этого», — но не успел. Юй Шанчжи сорвался, и разразился таким приступом, что вся комната наполнилась гулким эхом.

Вэнь Ецай испугался, вскакивая с постели, и торопливо начал гладить его по спине:

— Может, ещё раз выпьешь лекарство против кашля?

В последнее время больных с такой хворью было немало, и Юй Шанчжи специально варил сироп от кашля для пациентов. Кто бы мог подумать, что теперь сам же и будет им пользоваться.

— Хорошо, — с трудом выдавил сквозь стиснутые зубы Юй Шанчжи, но едва сказал это, снова закашлялся так сильно, что лицо вспыхнуло жаром, а в голове закружилось. Впрямь вышло так, как говорят: «врач и сам себя не исцелит».

Услышав его согласие, Вэнь Ецай мгновенно вскочил, зажёл лампу и принес приготовленный сироп от кашля, осторожно напоил мужа с ложечки.

Прошла минута, и, хотя кашель окончательно не утих, Юй Шанчжи стало чуть легче, дыхание выровнялось. Гер смотрел на него с таким сочувствием, что сердце сжималось. Он достал и мазь, что прихватил заодно.

— Глянь на себя, губы все в трещинках...

Юй Шанчжи облокотился на изголовье, а Вэнь Ецай придвинулся ближе, внимательно осмотрел его лицо и кончиками пальцев аккуратно нанёс мазь на пересохшие губы. Холодок снял жжение, и вместе с ним улетучилось накопившееся раздражение.

Перевернувшись, Юй Шанчжи обнял супруга за талию обеими руками. На губах блестел слой мази, и даже прикоснуться к нему не было возможности, только тяжёлый вздох и горечь в сердце от того, что нельзя прижаться к любимому.

На следующее утро Юй Шанчжи сам себе сварил отвар, и после трёх чашек горького лекарства кашель, наконец, отпустил. Иначе ведь и работать не смог бы. А дел в последнее время хватало: не только пациентов в доме стало больше, но и во дворе, в хлеву, жизнь кипела.

С приходом осени Вэнь Ецай купил двадцать цыплят и десять утят. Едва он успел устроить эту тридцатку двуногих, как Ян Хун-эр примчался сообщить, что та самая свиноматка, о которой летом шла речь, опоросилась и надо скорее прийти выбрать поросёнка.

Так как и Вэнь-эрню, и Вэнь-санья захотели посмотреть на поросят, он взял их с собой.

У семьи Сюй был отдельный двор, где держали скот. Там стояло несколько свиней: были хряки для случки, свиноматки с приплодом, а также мясные поросята, которых откармливали к Новому году, чтобы пустить под нож.

Кроме них, в дом Сюй подтянулись и другие семьи, что заранее записывались на поросят. Для деревенских завести свинью - дело важное, потому каждая семья приходила в полном составе, и вскоре двор Сюй зашумел и заполнился народом.

Со стороны хозяев тоже вышло немало человек: сам Сюй Байфу с женой стояли впереди, радостные и довольные, а когда все собрались, он громко объявил:

— На этот раз свиноматка нас порадовала, принесла одиннадцать поросят! Шесть самцов и пять свинок. Смотрите сами, кого приглянете. Если для откорма и на мясо — выбирайте самца, к месяцу его оскопим и заберёте. А если хотите разводить дальше, тогда берите свинку, нашего кабана для случки всегда можно попросить.

Выслушав это, Юй Шанчжи сразу прикинул в уме и тихонько наклонился к Вэнь Ецаю, шепнув:

— Раз в этот раз приплод большой, если останется, может, нам взять и самку и самца?

<http://bllate.org/book/13600/1205976>